

Вячеслав Карпенко

И мой сурок...

Вячеслав Михайлович Карпенко

И мой сурок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42253109

SelfPub; 2019

Аннотация

«У природы много времени, но на созидание уходит его больше, чем на разрушение...». Геологические экспедиции на Севере, море Атлантики, егерство в горах Тянь-Шаня, конные и автомобильные маршруты Устюрта и плавни Балхаша – лишь часть кочевой жизни писателя Вячеслава Карпенко . Конечно же, человек – «венец природы», но... венец должен венчать это сложное здание мироустройства, а уж никак не рушить его. И прежде чем «потреблять» блага природы, необходимо научиться её удивительной гармонии, осознать себя частью этого сложного планетарного организма, имя которому – жизнь.

Содержание

Об авторе	5
Предисловие	7
И мой сурок со мною...	10
Беличий переполох	18
Горный матрос	23
Колючка	35
У каждого своё море...	51
Путь к мечте	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Книга для семейного чтения

Об авторе

Вячеслав КАРПЕНКО. Родился в 1938 году в Харькове, эвакуирован, рос и заканчивал школу на Урале (г. Озёрск). Работал в геологических экспедициях на Севере. Учился в Ленинграде (С.-Петербург) в мореходном училище и университете.

Окончил Высшие литературные курсы в Москве.

Служил в ВМС. Ходил в море в Мурманске и Калининграде кочегаром, матросом, механиком. Работал в газете «Калининградский комсомолец», где был ответственным секретарем в то время, когда журналисты газеты возглавили борьбу за сохранение Королевского замка Кёнигсберга. Был вынужден уехать в Алма-Ату, где работал в газетах, журналах («Новый фильм» и «Простор»), на несколько лет уходил в кочегары на высокогорной космостанции ФИАНа, пять лет служил егерем в горах Тянь-Шаня. Через тридцать лет вернулся в Калининград с «Другим театром», в котором был зав. литературной частью.

Вячеслав Карпенко – русский писатель, известный в России и многих сопредельных странах. Он автор пятнадцати книг: романа, повестей, рассказов и сказок, изданных в Казахстане, Калининграде, Москве. Активный общественный деятель и пропагандист русского языка и культуры. Его встречи с читателями в библиотеках, школах, клубах нахо-

дят большой отклик у слушателей. Лауреат многих литературных премий и наград.

Вячеслав Карпенко – художник слова исключительного дарования, его книги высоко оценены читателями, критикой, многими известными в России литераторами.

С 2002 года по настоящее время Вячеслав Михайлович Карпенко является председателем Калининградского ПЕН-центра.

Член Союза журналистов (1965 г.), Союза писателей СССР (1984 г.), Русского ПЕН-клуба, Союза российских писателей, Международной Федерации русскоязычных писателей (МФРП), решением правления которой В. Карпенко удостоен звания «Мастер словесности» и отмечен орденом «Культурное наследие».

Предисловие

В дни моей молодости мы не ездили к басурманам нежиться на средиземноморских пляжах, пить «дайкири», приставать к девушкам и трястись на танцплощадках по вечерам. Мы ездили в противоположном направлении, на восток, в Среднюю Азию и Сибирь, работали кем придётся, зашибали копейку, поскольку тогда в Центральной России было гораздо меньше возможностей зарабатывать на «чёрном пиаре» и воровать.

Оттого у писателя Вячеслава Карпенко, человека пожившего и тёртого, есть о чём рассказать читателю даже критических, то есть безалаберных возрастов. Да ещё и хорошим русским языком, забываемым по нынешним временам.

Как и многие творцы старшего поколения, он объездил полстраны, сменил десяток профессий, и в результате родилась, в частности, эта чудесная книга, полная тонких наблюдений над природой и человеком, населённая колоритными персонажами, которые имеют представление о предназначении человека и, в отличие от нынешних, знают, чего хотят. (Об автомобилях, загородных коттеджах, банковских счетах разговора нет). То-то любопытно будет неискушенному читателю узнать из этой книги, что существуют иные ориентиры, другие ценности, которые куда выше лакированного железа и силикатного кирпича.

В том-то всё и дело, что у сравнительно «старичья» и молодого поколения, живущих в скучной и довольно опасной стране, эта книга вызовет живую симпатию, что она повествует о жизни, ныне уже забытой и непонятной, как ритуалы зулусов или древняя каббала. Между тем в этой жизни было много хорошего, прочного, того, что в здоровом обществе передаётся из поколения в поколение и позволяет ему держаться, во всяком случае, на плаву.

С другой стороны, в книге Вячеслава Карпенко читатель найдёт массу интереснейших сведений из жизни природы в разных её проявлениях: от переменчивости погоды в казахских степях до фантастического путешествия морской свинки, пожелавшей выяснить, почему она состоит в звании именно морской свинки, а не свинки как таковой. При этом наш автор так внимательно и любовно живописует каждую былинку, каждую птичку, что нечувствительно приобщает читателя к тем сферам жизни, где (если не считать плотоядения) всё суть гармония и покой.

В этом смысле Вячеслав Карпенко – прямой продолжатель традиции наших замечательных естествоиспытателей от литературы, Михаила Пришвина и Виталия Бианки, которые дотошно исследовали живой мир средствами художественного слова и поставили своё дело на небывалую высоту. В сущности, такой литературы нет больше нигде в мире (Фабра с его инсектами с расчёт не берём), и оттого особенно обидно за нынешнего читателя, который до того опустился, что

его занимает исключительно чепуха.

Видимо, поэтому в подзаголовке этого сочинения значится: «Книга для семейного чтения», – то есть чтения неторопливого, вдумчивого, может быть даже вслух, при свете оранжевого абажура, чтения, рассчитанного на понимание взрослых, юных, отроков и детей. Ибо ничто так не воспитывает человеческое в человеке, как добрая книга о «братьях наших меньших», и ничто так не тешит «старичьё», как путешествие в прошлое и приятные воспоминания о былом.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'В. Печух'.

Вячеслав Пещух,

Писатель, лауреат премии «Триумф»

И мой сурок со мною...

...Я нажимаю кнопку звонка, и в ответ за дверью квартиры моего друга слышен резкий, почти птичий, ни с чем

не сравнимый молодецкий посвист. Свист этот вырывается из стен, летит за окна, заставляет прохожих недоумевающе оглянуться, будит какие-то далёкие, грустно-тревожные чувства, зовёт в облитые солнцем, уходящие вдаль поля и холмы. Не в далёкие саванны и пампасы – в свои, рядом, выйди и присмотришься: поля и холмы, в которых бьётся жизнь, в которых каждый раз миг открывается – чудом. Если сумеешь добиться доверия этой жизни.

Я знаю, что там, за дверью, стоит на задних лапах круглоголовый приземистый толстяк, чем-то напоминающий крошечного медвежонка. Ласковый и доверчивый толстяк в рыжеватой шелковистой шубе, он умеет смешно танцевать, покачиваясь с боку на бок и прижимая к груди кулачки. Он любит печенье и яблоки, но ещё больше любит, когда с ним возятся, когда ему улыбаются и затевают с ним игру. Улыбку он чувствует даже в голосе. Его круглые чёрные глазки дружелюбно блестят, он урчит и заваливается на спину – золотистый и ленивый, ласковый и любопытный сурок. Чужой городу и этим каменным стенам с обоями, которые он поначалу обрывал, чужой и всё же такой доверчивый, такой открытый доброте...

И ещё я знаю, что если провести пальцем по его короткой шее, можно нащупать словно навечно надетый ошейник: шрам от проволочной петли, которая была поставлена пацаном-подпаском ещё осенью, когда до рождения сурчонка оставалось больше полугода. Оставлена и забыта, потому что

сурки уже залегли на зиму спать. И не шевельнулась в том мальчишке память о куске проволоки, оставленном у норы, даже когда он зимой переживал за Лесси, спасающей звериных детёнышей. Это так легко и ненакладно: быть добрым издалека... Настоящее же уважение к жизни требует и заботы, и терпения, и – жертвы, да. Того мальчишку у телевизора никто не научил такому уважению, никто не сумел вовремя показать взаимосвязанности любой жизни с его собственной. Не научить, не открыть – так просто и незаметно можно оставить почву для семени злого. И может статься, мальчишка этот уже получил иной «урок», уже видел, как кто-то из старших «потребляет» природу безоглядно.

А петля та ржавела до поздней весны, пока не затянулась на шее сосунка-сурчонка, которому всё же повезло: его выручил мой друг из экспедиции. Раненого сосунка выходили и привезли в город. Он вырос и привык к людям, и стоит сейчас за дверью, прижимая к груди кулачки в ожидании лакомства и весёлой возни.

Вот так же, прижав кулачки к груди и внимательно вглядываясь в горизонт, стоят его вольные братья на гладких, утрамбованных и далеко видных среди травы глиняных насыпях-бутанах в степи, на залитых солнцем склонах холмов и гор, у окраин спящих ледников...

Ранней весной, лишь только тепло зашевелит в земле ростки, над такой насыпью-холмиком у норы вдруг замеча-

ешь круглую голову: ещё заспанную, уже удивлённую, всегда – настороженную и любопытную.

Проснулись. Пробудились сурки. Без них невозможно представить степь и холмы, без них будто мертвеют травы, дорога без них длиннее и томительнее, и небо без них – словно бесцветнее.

Проснулись. Проснулись почтенные матроны, пробудились солидные мужички, выскочили в первый раз нетерпеливые карандаши-сосунки. Пересвистываются, делятся впечатлениями. Ничего не изменилось за семь месяцев сна? Вроде, ничего: так же лежит этот порыжелый валун, как всегда карабкается на всплеск противоположного холма тропа, на которую надо внимательно поглядывать – не привела бы кого непрошеного. По-прежнему чуть покачиваются тонкие прутья барбарисового куста...

Жить можно, жить хорошо, жить радостно – пересвистывают друг другу сурки. И начинают возню на этом бутане, на соседнем – встречают гостя, с третьего – спустились к зеленоющей неподалёку траве.

Резкий свист – тревога! И ныряют в почти вертикальную шахту норы хозяева и гости, взрослые и малыши, катятся без оглядки, влетают опоздавшие. Чтобы через секунду где-то снова – за всех настороженная и внимательная – показалась поблёскивающая глазками голова: кто же здесь? Ага, это совсем низко несётся орел, его тень скользнула по опустевшим бутанам и растворилась в голубом воздухе. Далеко видит су-

рок, далеко слышен его предупреждающий свист, подхватываемый в следующей колонии, метров за триста, и дальше, дальше: «Мы никому не делаем зла, мы только проснулись, мы радуемся солнцу, мы нужны этой земле, коль она родила нас, мы живём здесь давно, и нам хочется жить здесь всегда!».

За лето протопчут сурки тропки от своих бутанов у летних нор. Накопят жир, чтобы ранней осенью собраться в одном убежище всей семьёй на всю долгую зиму. Если только не умолкнет в какой-то норе подранок: сурок даже в самом последнем усилии, на грани меж светом и тьмой, ныряет в нору, и никакой охотник, разве что медведь иногда, не сможет достать его из норы. Гибель подранка угрожает болезнями всей колонии, сурки знают это и чувствуют угрозу, идущую от мёртвого собрата. Тогда закрывают, утрамбовывают нору живые сурки – земля всё очистит. И переносят колонию на новое место. И заснут, прижавшись друг к другу, медленно-медленно дыша, оберегая сердце для будущих солнечных дней.

Проедет всадник мимо опустевших, притихших холмов, вспомнит весёлый посвист круглоголовых рыжих жителей этих нор, сейчас плотно закрытых травяной пробкой. И поймёт: скоро зима, скоро укроются горы снегом и засвистит в ветках барбариса один тоскливый ветер...

Я открываю дверь, за которой звенит предупреждающий

свист ручного сурка. Как узнаёт он сразу – знакомого? Подкачивается к ногам, сжимает лапки в кулачки, заглядывает в глаза, зовёт куда-то, что и сам забыл – где. Но ему ещё предстоит это всё вспомнить и познать, его дети ещё будут выглядывать опасность с бутана, хотя это уже другая история...

Мы здесь пробудем
до утра,
И мой сурок со мною,
А завтра снова
в путь пора,
И мой сурок со мною...

Эта на музыку самого Бетховена старая песенка бродячих артистов и ярмарочных предсказателей судьбы, у которых сурок вытаскивал желающим билетки «на счастье», и нас может позвать в дорогу: в увлекательное путешествие по своей земле, к встречам и открытиям, за которыми не всегда нужно ехать за тридевять земель. Надо только уметь взглядеться в эту жизнь вокруг, взглядеться, удивиться и – понять.

Беличий переполох

Снег всё не выпадал, а ведь уже и декабрь подходил к концу. Редкие рябины и одинокие берёзы в этом горном лесу стояли оголённые. Почернелые кусты смородины, шиповника и таволожки сиротливо гляделись среди елей. А ели казались насупленными, они устало поднимались по склонам холмов в горы, тяжело опуская тёмные свои лапы. И неспроста – еловые лапы словно набухли в частых туманах.

Лес устал ждать зимы.

Притихли, затаились зверушки. Лесные жители давно поменяли свои летние наряды к зиме, в надежде на снег и мороз. А Снегурочка, как видно, заблудилась где-то во влажных туманах...

Дед мой работает здесь лесником.

Вот и отправили меня к деду накануне Нового года. «Снегу к празднику нам пришли!» – смеялся папа. А где я возьму снег, если он даже в горах ещё не выпадал?

Нынче мы с дедом выбрались в его лес.

Ночью ветер разогнал облака. Солнце пыталось пробиться сквозь густые иголки ёлок, но до земли его лучи добирались только на полянах да вырубках. В таких местах, казалось, веселее и звонче, и никак не верилось, что дома скоро начнут наряжать ёлку. Здесь, на вырубке, негусто поднимался рябиновый подрост вперемежку с чёрной ольхой. Кое-где

краснели гроздья ягод, а от земли поднимался чуть заметный пар, розовые капли его тихо скатывались по чёрной коре.

Было так тихо, что мне захотелось закричать. Снизу, от подножья горы, где оставили мы дедова коня, слышно звяканье уздечки и фыркание. А ведь это не близко: мы почти час поднимались по склону, большой овраг миновали.

Уже и не верилось, что в этом лесу кто-то живёт. Потому и подмывало меня заорать, может, кого и разбудил бы!..

Как вдруг на поляне перед нами гулко захлопали крыльями.

Большая чёрная птица уселась на влажном суку высокой рябины. Тяжёлая птица – сук под ней прогибался и покачивался.

Дед невесомо махнул рукой: «Тише!». Птица сидела к нам спиной, только хвост, кренделями раздвоенный в стороны, посверкивал белым подбоем.

– Косач, – продышал мне в самое ухо дед.

– Знаю, тетерев.

Но я прошептал слишком громко. Птица обернулась. Мне даже показалось, что она укоризненно взглянула на меня. Забила крыльями по бокам.

И... не взлетела. Забыла улететь: внимание тетерева как раз в этот момент привлекли новые нарушители тишины.

Раздался стрёкот, быстрое цоканье. На краю поляны по ёлке промелькнули две белки, совсем близко от тетерева.

Серо-голубые шубки белок легко просачивались меж ко-

лючих веток, а тёмные хвосты отдавали золотом и воинственно торчали. Как у мангуст! Друг за дружкой белки перебежали по стволу и спустились к земле.

И всего-то метрах в десяти от нас с дедом – мне даже их лукавые глазёнки видны были. И принялись они гоняться вперегонки, прыгать и верещать при этом так громко, что уж ничего больше услышать было невозможно.

Ни на деда, медленно присевшего на пенёк, ни на тетерева, ни на меня шалуны никакого внимания не обращали.

Тетерев грузно развернулся на своей ветке и с большим интересом принялся рассматривать весёлую парочку. Даже голову наклонял из стороны в сторону, будто присматриваясь к проказницам из-под насупленных красных бровей.

А белки увлеклись игрой.

Они улыбались друг другу, зачем-то барабанили лапками по земле, весело гримасничали. И стрекотали, хитро взглядывая то на тетерева, то на нас с дедом, то на солнце, к которому подбиралось тёмное облако.

Словно всех приглашая играть с собой. Лишь временами настораживали они свои ушки с кисточками на самых кончиках, прислушиваясь к чему-то подальше от поляны. А потом вновь, ещё беззаботнее, кувыркались или стремглав догоняли друг дружку.

Даже когда дед чиркнул спичкой, белки не задали стрекача. Встали столбиками, забормотали на нас между собой, дёрнули подбородками... или носами, кто их разберёт – что

у них где!

Потом, не очень-то спеша, словно две кумушки, которым помешали договорить, прыгнули на дерево к тетереву.

Тот потоптался на ветке, вытянул к болтуньям голову – кажется, спросил о чём-то! И взлетел, тяжело захлопал крыльями между ёлок.

– Этих из Сибири привезли и выпустили! Прижились, ничего. Вон какие! – уже не сторожась, кивнул на белок дед. – Вот и они снега ждут, ишь – шубки богатые накиннули...

Белки оглянулись на дедов хрипловатый шёпот. Затарахтели по-своему да зацокали. Одна перепрыгнула на ёлку, потом на следующую. И вот она уже над нашими головами.

– Телеуткой её зовут, – шептал дед. – Ни к уткам, ни к телевизору никакого отношения, а вот поди ж ты! Зовутся...

Мы следили за той, что очутилась у нас над головой, боясь потерять белку из виду. Но хвостатая баловница и не старалась скрыться. Последние слова деда вроде чем-то её и затронули: обиделась ли? Встала на ветке, забормотала.

И в нас полетела шишка. Когда только успела прихватить эту шишку?!

И вдруг...

Будто именно этого её сигнала ждал кто-то: загремел гром. Да, да! Гром загремел. Молнию я не видел, но ведь грома без молнии не бывает?! И я не слышал, чтобы в декабре случался гром, чтобы гроза бывала.

– Бывает... – сказал дед и протянул руку перед собой ла-

донью кверху.

Не дождь он ловил: сверху, словно наколдованные белкиными танцами, летели хлопья снега. Первого снега, почти новогоднего, но ещё по-осеннему влажного. Снежинки медленно и тяжеловато планировали к земле. Каждая порознь, как маленькие парашютисты.

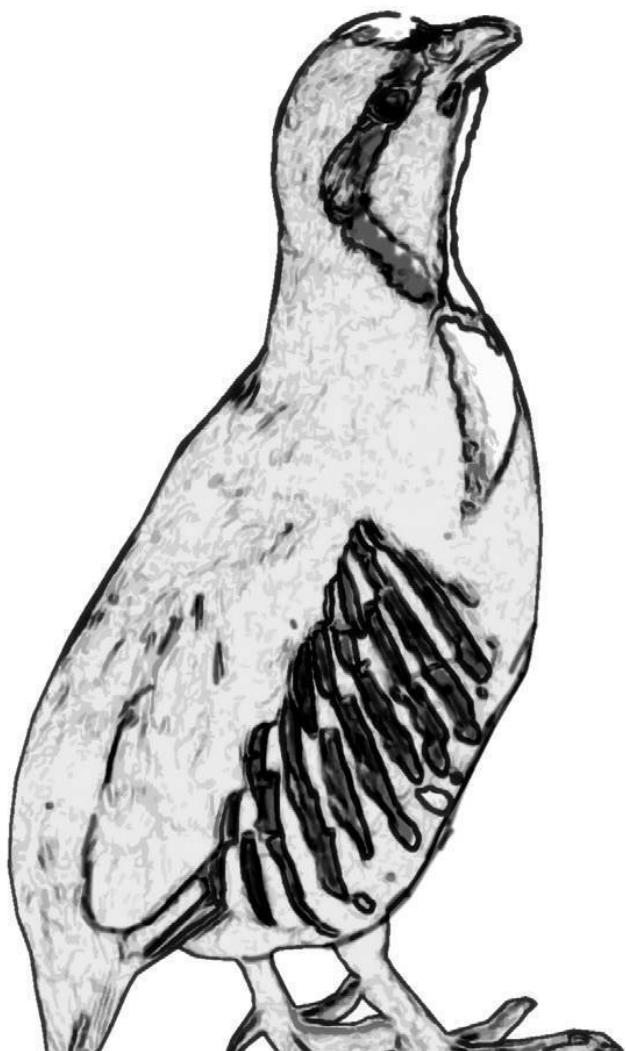
Теперь я увидел и молнию: она была голубовато-зелёной на фоне лилового облака. А за облаком ещё синело небо.

На новые раскаты грома белки ответили быстрым стрёкотом и согласно помчались прочь. Через минуту их пышные хвосты пропали в тёмной хвое.

Мы заторопились к дедову коню, в гриве которого уже путались слипающиеся снежинки.

Снег быстро одевал землю, укутывал её, занося наши следы. И – кто знает? – уж не разучивали ль те белки-телеутки, верещанье которых помнилось мне ещё долго и слышалось даже во сне, не разучивали ль они перед нами танец для своего новогоднего бала...

Горный матрос

Для меня

история Матроса началась с того, что отец взял да и выпорол меня. За него, за Матроса.

Приехали мы к деду в горы. Я сразу побежал знакомой уже тропой к реке. Тропинка была каменистая и круто спускалась вниз, в глубокое ущелье, там и бурлила речка. Совсем неширокая, ее можно перейти вброд, только немного страшновато – вода быстрая и холодная.

Только я спустился к берегу, как увидел двух птиц. Они перебежали от одного валуна к другому: пробегут, склюнут что-то на пути, и дальше. Серо-коричневые – как каменистые холмы на левом берегу. Я их ни за что не заметил бы, если бы эти птицы не двигались. И они не взлетали, хотя все близко от меня совершали свои перебежки. Будто напояз! Это здорово, что я рогатку захватил!

На боку у ближнего ко мне, крупного, как голубь, виднелись темно-белые полосы, я так сразу и подумал – ну просто тельняшка! Его-то я и выцелил. Так и решил: «В этого Матроса не промахнусь!..»

Попал!

Птица подпрыгнула и упала с большого валуна. Я бегом. Рогатку бросив, перемахнул через речку. И страх забыл. Всего-то метров десять оказалось до добычи. Подскочил и схватил подранка за крыло. Теперь можно было разглядеть и полосы на боках, и красные лапки, одна из которых беспомощ-

но болталась – это мой камушек попал. А клюв птицы, тоже красный, часто-часто открывался-закрывался.

Мне стало жалко Матроса. Таких птиц я и не видел никогда – что я теперь делать с ней буду, с раненой? Вторая же птица почему-то не взлетела, а быстро побежала среди камней и скрылась. Потом я услышал, как она начала квохтать... прямо вовсе по-куриному. «Ко-ко-ко... Ке-ке-лик!» – услышал я её голос где-то на верху холма. Звала дружка, что ли?

А всё-таки – удача! И в первый же день! Я поднял свою меткую рогатку и вприпрыжку побежал к дому. Дед ведь охотник, он мне скажет, что за птица – этот Матрос. И увидит, как метко я могу стрелять!..

Ну, побежал – это на первых порах только, до подъёма по тропе. Чего уж хвастаться перед собой-то: я очень скоро стал задыхаться так, что пришлось сесть и перевести дыхание. В городе гор нет, даже и не думаешь, как тяжело по ним ходить... сейчас-то я стал замечать и камни на тропе, и корни деревьев, и поваленные сухие стволы. Чем выше, тем чаще садиться приходилось, однажды я поскользнулся на корнях – колено теперь саднило, и мне тащить птицу больше не хотелось. А как быть – не бросишь же раненую...

Но всё же пересилил себя и поднялся по тропе. Вниз-то куда как быстро сбегать, не то что обратно. Наконец и дом дедов близко показался. Отец же будто ждал меня. Он, конечно, успел пообедать. И торопился уезжать. Но они с дедом сразу увидели мою добычу.

– Кеклик. Весна в этом году тяжёлая для них, поздняя. Снегу много было, и морозы – до конца марта. – Это дед сказал.

– Ни к чему бы убивать, им сейчас птенцов поднимать надо. Весна, – ещё сказал.

Будто я нарочно заставлял того кеклика близко так бегать! Улетел бы... А отец ещё говорил, что дед хороший охотник. Мне хотелось удивить его своей удачей и меткостью.

– Он живой ведь, – ответил я деду и отдал ему подранка.

Взял же птицу отец, посмотрел, потом передал деду. И хотя торопился уезжать, но всё же торопливо меня выпорол. Несколько раз стегнул. А дед сказал: «Ладно, ему и самому жалко».

Отец тогда уехал, а дед выстрогал палочки, пристроил их на красную подрагивающую лапку и забинтовал. Потом заставил Матроса пить, опускал его клюв в кружку с водой и поднимал головку кверху. Короче говоря, недели через две мы с дедом уже могли выпустить кеклика на волю.

– А нельзя его с собой взять? Я в школу пойду, подарю... – снова переспросил я деда. Однажды он отмолчался почему-то. Лапка у Матроса была немножко кривая, под моими пальцами слышимо тотокало его сердце.

– Погибнет, – ответил дед. – Какая вольному взрослому зверю... или, к примеру птице, жизнь в неволе!

Я сам хотел отнести кеклика туда же, где подранил.

– Найдёт дорогу, там другой стаи нет. Найдёт, – успокоил

меня дед и расхохотался, когда я подбросил птицу в воздух. – Он тебе голубь, что ли!

И в самом деле: Матрос, вместо того чтобы лететь, сел почти рядом, повертел головой, потоптался ещё на одном месте. Мне даже показалось, что он притопнул своей вылеченной лапкой. А потом сделал тельце веретеном и быстро-быстро побежал в сторону конной тропы, по которой я его поднимал раненого.

– Прирождённый пешеход! – одобрил его дед.

Хромоты у Матроса почти не было заметно, и он скоро скрылся в траве.

Прошел год. Я снова приехал к деду. И вот сейчас сидел на высоком берегу реки и смотрел в дедов бинокль. И видел, как лисица крадётся к большой стае кекликов-поршков, склёвывающих что-то на каменистом склоне другого берега. Тот берег порос шипичкой и мелкой травой, это там в прошлом году я выцелил своего Матроса.

Внизу река гулко хлопала камнями, перекатывающимися по дну. Лето было в разгаре, и воды в реке прибавилось: в горах, где-то вовсе высоко, таяли снега и ледники. Красноватый каменистый склон спускался к самому берегу реки на той стороне. Он порос низкими кустами и травой. И лисица ползком подкрадывалась к стае кекликов.

В стае было около двадцати маленьких и шустрых птенцов, чем-то похожих на небольшие веретёнца, перевёрнутые

тонким концом к небу. Голубому-голубому, прямо-таки выгоревшему от постоянного солнца. Птенцы уже бойко бежали, но летать ещё не умели. Порхали, быстро-быстро махая крылышками и только прыжками отрываясь от земли. Бежали же они не настолько быстро, чтобы лиса не могла их поймать, если подкрадётся и выскочит внезапно.

И сейчас рыжей оставалось лишь выбрать самого ближнего и нерасторопного, а то и двух: лисица, прикрытая небольшим островком арчевника, была уже в нескольких шагах от стаи...

А я ничем не мог им помочь!

Я видел лису и кекликов в бинокль со своего обрывистого берега реки. Река бурлила далеко внизу, хотя по прямой казалось вроде и близко – а поди вот, достань!.. Единственное оружие – всё та же рогатка, которую я теперь с согласия деда носил для охраны от диких зверей, – это единственное оружие бесполезно валялось рядом. Не дострельнёшь... да и что такое лисе мой камушек! Даже крика моего не услышат ни птенцы, ни затаившаяся лиса – я уже пробовал. Оставалось наблюдать за охотой этой рыжей хитрюги и ждать, кого же из стаи лисица захватит врасплох.

Но он-то! Про него я будто забыл! А он был не меньший хитрец и умница, мой старый знакомый, Матрос! И он был там, это ведь его птенцов и его самого выстораживала сейчас лисица, прижимаясь к рыжим камням!

...Весной, только я приехал, дед повёл меня в эти же ме-

ста. Вернее, мы поехали верхом на большом дедовом Сером, но только перебрались через речку, как дед оставил лошадь и повёл меня в большие камни и глыбы по склону. Повёл, отчего-то заговорщически подмигивая. И здесь перед нами выскочил... Матрос. Нет, не тот мой кеклик, поменьше. «Подруга его», – сказал дед.

Подруга вертелась в нескольких шагах, хромала, падала на бок неуклюже и смешно, неловко поднималась, с кривым прискоком отбегала, чтобы снова припасть к земле. И не взлетала.

– Отводит! – подмигнул дед. – Смотри!

В ямке среди камней, почти на голой земле, лежали яички. Я быстро сосчитал – двенадцать. «Не трогай!» – «Да я просто считаю».

– Одиннадцать, – сказал дед.

– Нет – двенадцать!

– А-а, значит, донесла ещё одно. Пойдём дальше...

Подруга-кеклик ещё поспотыкалась перед нами, потом что-то «кудакнула» и скрылась. Мы не прошли и двадцати шагов, как выскочила вторая птица. Эта была крупнее, вся взъерошенная, злая так, что сразу видно – будь большим, обязательно не дал бы этот кеклик нам спуску! Но был он всего-то с большого дедова цыплёнка, только красивее, – откуда у цыплёнка тельняшка! Этот тоже начал вытворять штучки с прискоком и припаданиями, с хромотой и жалобным попискиванием. Он и перья топорщил, словно узнал ме-

ня.

– Он самый, Матрос твой. Крестник, – подтвердил дед. – Оставь его, пусть попредставляется!.. Иди сюда.

Дед показывал под камень: там в углублении лежали... ещё яички. Я даже наклонился, не веря. Уж я не такой маленький, чтобы не понимать – петух яйца не несёт.

– Какой же он Матрос, когда яички... Они, выходит, обе «подруги»!.. – протянул я разочарованно.

– Он и есть Матрос! – И дед рассмеялся, довольный моим удивлением. – Я и сам недавно только понял, да вот теперь уверился: оба они птенцов высиживать могут... курочка и петух! То-то стая будет, да?! Два года у нас засуха была, зимы снежные, тяжкие – совсем кекликов мало оставалось. Хорошо, эти выжили. Думаю, этот год хороший будет, они чувят. Потому вот «двойняшек»-то и придумали, мудрецы, – она для Матроса твоего яичек отложила, он теперь высиживает. И поднимут ведь!

И вот сейчас я ничем не мог помочь его, Матроса, стае...

Что там говорить – красивая была эта хитрюга рыжая: с её вытянувшимся огнистым телом, под которым не видно лап, с острой мордой и плотно прижатыми ушами. Она струилась по земле вовсе незаметно для глаза. Если бы не чуть подрагивающий легковесный хвост её да не всё более короткое расстояние меж нею и птенцами, казалась бы лисица совсем неподвижной.

Её охота была бы мне ох как интересна... но сейчас лиса

меня бесила до слёз. Потому что показывала моё бессилие! Как чужая выигрывающая команда – ты-то ведь болеешь за другую! И что тебе за дело до красоты игры, если своим ты помочь не можешь... даже криком!

А ведь там, в стае же, безмятежно – так мне виделось в бинокль – что-то клевал и мой Матрос, чуть в стороне и потому в безопасности. Склюнет, поднимет голову, поглядит в сторону лисы, наклонит голову и снова клюнет. Кажется, я даже видел, как он глазом косил! Что же ты, не замечаешь, что ли!!

Не-ет! Он всё же умница: чуял мой Матрос охотницу! Я плотнее прижал бинокль, следя, как полукругом, будто ничего не подозревая и все так же беззаботно склёвывая, самый крупный кеклик приблизился к лисе, вжавшейся в щербенистую осыпь. Их разделял только куст арчи, густой низкий куст, за которым лисица его не угадала.

Рыжая гипнотизировала двух поршков, до которых оставался всего-то хороший прыжок. Хвост лисы задрожал сильнее, я сам ощутил, как она выбирает опору для лап... сейчас прыгнет...

А он, мой маленький горный Матрос, наверное, здорово боялся – закричал даже, я видел его раскрытый клюв, когда... да что же он делает-то!.. – он прыгнул чуть не в самые зубы хищницы!

Вот жалела она потом, что не заметила рядом такой добычи! Я и то вскочил – вовсе не ожидал подобной прыти и

такого нахальства от мелкой птахи, от этого кеклика! Птица ведь, из рогатки подобьёшь... а – храбрец какой отчаянный!

Лисица же растерянно клацнула зубами, промахнулась... опешила лишь на секунду... Но этого хватило, чтобы знакомец мой отскочил к пышному лисьему хвосту и... Нет, не полетел ведь! – посеменил от лисы, волоча крыло, спотыкаясь, разыгрывая, как по нотам, весь тот спектакль, который репетировал перед нами с дедом когда-то возле гнезда.

Лисица недолго приходила в себя. Пружинной жёлтой вспышкой метнулась она за бегуще-хромающе-прыгающим кеклом.

Он вспархивал – неумело, неловко, но... неуловимо и непойманно – у самого носа, у самых зубов, как-то боком отлетал на несколько лисьих прыжков прочь и снова испуганно семенил по осыпающимся камушкам... Наверняка он и верещал при этом отчаянно, хотя предупреждения уже не требовалось: стая исчезла!..

Метр... десять... пятнадцать, тридцать метров... ещё кривой вспорх... ещё метры качающейся земли, шуршанье скатывающихся из-под резких лисьих лап камней... А где-то далеко наверху, в острых скалах – даже я услышал! – успокоительно-громкое: «К-ко-кох-ко-их-кек-ли-ик!»

И вот – треск-свист сильных крыльев над головой метнувшейся лисицы. И – плавный полёт, планирование над открявшейся пропастью, над каменистым распадком... не поспеть туда рыжей! К скалистому гребню. Вскоре там, всё

дальше, уже шла перекличка: «Ко-один-кво-ко-десять-один-надцать-кро-ко-двадцать-один...» Все!

– Нет, моего Матроса за так просто не возьмёшь!!! – орала, махая сконфуженной лисе руками и прыгая на краю своего обрывистого правого берега бурлящей речки.

Колючка

Рассказка

*Всяк бугорок спотыклив да важен,
да не всяк – по уму...*
(поговорка)

У Глаши не было ни брата, ни сестрички, а время детского садика кончилось. И у неё начиналась новая жизнь.

Зато был у маленькой Глаши большой друг. Дядя Володя, художник.

Вообще-то друзей у неё много вокруг, потому что всем она любила помогать.

– Ох, Глашенька, скоро осень, и ты в школу пойдёшь. Кто же мне за хлебом сбегает, – стала даже говорить соседская бабушка Зоя Николавна.

– Ничего, – отвечала девочка. – Мне ещё утром голубей покормить надо, а у кошки Милы скоро котята выведутся. И у Лёшки-терьера лапа больная. Я во вторую смену попрошусь учиться!

Много друзей и забот у Глаши, но самый большой всё же дядя Володя. Потому что он один умел всё-всё рисовать, и к тому же они оба любили зверей и цветы.

У художника в квартире жили: два ежа, старый кот Базиль, который лучше отзывался на имя Васька, лохматый, огромный и добродушный сенбернар Атилла, на нём даже верхом можно было проехаться. И ещё приставучая сорока Зинка.

На окне в круглом аквариуме плавали золотые рыбки и ползали улитки, да и окна почти не было видно – его завивали цветы, которые цвели редко, но поливаться хотели часто. Глашке приходилось об этом напоминать другу.

Подружились они из-за котят, сначала Милиных, а потом и просто чужих.

– Что-то от меня приятели прятаться стали! – смеялся иногда дядя Володя, рассказывая, где поселился очередной их подопечный. Но город большой, а знакомцев у художника много даже и за городом.

И ещё, когда Глаша приходила полить цветы и погладить Атиллу, художник рисовал ей зверей и птиц, и деревья, и стрекоз, и голубое небо, и солнышко на нём или тучи с дождём, а то и туман – это смотря по их настроению. И всё было очень похоже, так что маленькая Глаша могла долго сидеть у его картинок для неё, представлять себя среди зверей, птиц и леса и тихонько разговаривать с ними, совсем тихонько, чтобы не мешать.

Вот из-за такого рисунка всё и началось.

Вернее, началось всё тогда, когда в соседнем дворе Глашка, догоняя выпавшего из гнезда воробьёныша, наткнулась на колючку. И в одной руке принесла к дяде Володе занозу, а в другой – воробыша.

– Сейчас-сейчас, ты только не плачь, – приговаривал дядя Володя, сразу понимая, что произошло, и не сердясь.

– Я и сначала не плакала, это слёзы сами текут, а мама ругаться будет...

– Пойдём, я знаю, где его гнездо, а то вот Базиль уже интересуется! Сейчас покажу, где живёт этот желторотик, а потом мы тебя в момент вылечим и коленки отмоем.

Художник прикрыл полотенцем большую картину, которую он всё рисовал для выставки. «Всё равно не примут... не возьмут», – бормотал он про себя как песенку.

– Почему же не возьмут? Она красивая. – Сказала Глаша. Она уже видела эту тётю на портрете, и Атилла сидел рядом, положив голову к ней на колени. Голова была тяжёлая, а глаза Атиллы были ещё грустнее, чем обычно.

– Потому что потому... не возьмут и всё. Ты где-нибудь видела красных женщин и голубых собак? Вот и пойдём.

Он залез на дерево, где в дупле, оказывается, пряталось гнездо, а не под крышей, как она думала. Художник даже поднял её к себе, чтобы и девочка посмотрела на всех птенцов. Их найдёныш оказался самым взъерошенным и писклявым. На верхних ветках ругательски верещала воробьиша, но Глашка не удержалась и погладила птенцов. Они открыли клювы, запищали, один даже ущипнул за палец. Видно, им всё равно кто здесь, лишь бы накормил.

Дома дядя Володя вытащил из её ладошки большую занозу пинцетом и смазал руку одеколоном.

– Терпи, – говорил он и дул на ранку, а сорока Зинка суежилась рядом на столе. И сенбернар подошёл лизнуть, ободряя, но начал чихать от одеколону.

– А вот и видела! – сказала, чтобы не показать накатывающихся слёз и успокоить Атиллу.

– Что видела-то, птаха-понимаха?

Она понимала, что ему невесело и теперь не до неё. Ху-

дожник встал, прогнал с плеча сороку и снял полотенце с картины. «Не примут... не возьмут...»

– Голубого Атиллу видела, – настаивала девочка. – Вечером зимой!

– Может, и видела, глазастая фантазёрка! Иди сюда.

Красная тётя на картине была красивой, но её глаза будто не видели голубого сенбернара, а рука с тонкими пальцами не гладила, а будто хотела оттолкнуть голову с колен. А глаза Атиллы грустно смотрели в красивое лицо.

Вот за эту атиллову грусть тётя Глаше и не нравилась. И хотя девочка ничего не сказала, художник снова закрыл картину.

– То-то и оно! – улыбнулся он почти как Атилла. – Не примут голубую собаку, не возьмут – не увидят. И женщина красная... так-то... они лучше знают, как художнику писать. Давай-ка лучше тебе порисуем, школе подаришь. Что изобразим?

– Всё равно она красивая, ваша тётя, – успокоила девочка и под села к столу.

Художник уже рисовал речку.

Быструю горную речку, вода в ней бурлила, неслась по камням, а берегов у речки не было: вместо берегов над течением поднимались крутые скалы. И никому здесь не могло быть места, на этом рисунке, возле этой куда-то спешащей реки.

– Не нравится?

– К ней ведь никто подойти не сможет, а если олень пить захочет? – схитрила Глаша.

Дядя Володя засмеялся, взял второй лист, приклеил к уже нарисованному.

– Это мы сейчас поправим. Смотри...

С первого листа на другой упал водопад. Вода закипела под падающим потоком, закружилась в небольшом омутке и затихла на излучине у покатого берега, к которому подходила широкая тропа. Потом речка забурлила себе дальше, там снова поднимались скалы, и течению приходилось перепрыгивать через валуны. Но зато вокруг тропы, что подходила к самой воде, выросли густые кусты, поднялись деревья, и дуб отбросил тень на излучину. И появились звери.

Тропа была широкая, удобная и мирная: маленькое – все-то с блюдце – озерцо-омуток могло всех напоить и примирить на время жажды.

Вот поднял голову с ветвистыми рогами красавец марал, с губ его ещё стекают чистые струи воды, а затуманенные глаза высматривают кого-то на другом берегу. И рядом с ним, скосив взгляд на роющегося в песке медвежонка, чуть замутив передними лапами воду, пьёт коричневая, почти чёрная, медведица.

На тропе уже хрюкает горбатый, с поднятой щетиной, с загнутыми на длинном рыле клыками, кабан. А у небольшого куста присел и насторожил уши заяц.

Кукушка кому-то задумчиво отсчитывает годы, сидя на

суку старой ольхи. А выше неё из дупла выглядывает хитрая мордочка белки.

И шмель ровно гудит на красном диком пионе, а на шмеля, смешно склонив глазастую голову, удивлённо и заворуженно смотрит косулёнок.

– Такая речка подходит?

– Да-да... подходит, здесь хорошо всем, – отвечает Глаша.

И здесь зазвонил телефон. Художник взял трубку и сразу стал серьёзным.

Под его руками ещё лежала разноцветная картина жизни у реки, в пальцах ещё каталась коричневая палочка пастели, но было видно, что уже забыл он и про водопой, и про зверей возле него. И про Глашку забыл, которую зачаровала мирная жизнь в картине.

Не к месту защипала царапина, напомнив про колючку и занозу. И про голубую собаку с красной тётёй вспомнила, потому что дядя Володя говорил в трубку, а посматривал на свою завешенную картину и становился всё озабоченнее. Девочка посмотрела на царапину, на след от занозы, ещё совсем горячий, и подумала, что голубой собаке тоже было бы больно, наткнись она на колючку. А красной тётё?

– А я ту колючку всё-таки вырвала! – сообщила она.

– Колючку? Да-да, это хорошо... – рассеяно ответил художник и снова заговорил с телефоном. – Нет, это не вам, отвлекся на секунду: у моей соседки занозу вытаскивали, вот она и вспомнила про колючку. Нет, совсем маленькая сосед-

ка, но да – красивая. Вот в первый класс с ней собираемся скоро. – Он засмеялся чему-то в трубку и стал медленно, не глядя почти, водить по рисунку у реки коричневой пастелью. – Да, конечно, сейчас принесу...

Положил трубку, потёр себе лоб и бросил пастель на речной рисунок.

– Ты побудь-поиграй, птаха-понимаха, всё равно твоя мама ещё на работе. А я скоро вернусь, тогда и чаю попьём. – Взял свою большую картину и ушёл.

Глаша ставит картинку на опустевший мольберт. Пришлось встать на цыпочки, но всё же установила: теперь сюда хорошо падал свет, и все звери будто сразу ожили. А вода – тоже будто живая – падала с уступа, ровно рокотала и кружилась в небольшом омутке и затихала на излучине у пока того берега.

У самой воды, утонув копытами в золотистом песке, высматривал кого-то на другом берегу марал в золотой короне рогов. Всё так же рылся в песке малыш-медвежонок, и косила на него глазом пьющая из речки медведица.

Глаша уже знала, что у водопада куковала кому-то кукушка, смеялась в дупле белка, и недовольно о чем-то хрюкал на тропе горбатый кабан с пожелтевшими загнутыми бивнями. Поводил ушами заяц под кустом, и гудел на цветке под удивлённым взглядом косулёнка чёрно-жёлто-полосатый шмель.

К солнцу подплывало еле видимое облако, а речка, напол-

нив прозрачной водой озеро у водопада, снова торопилась куда-то вниз от этой мирной тропы.

Девочка, зачарованная картинкой, поправила один её бок на мольберте. И, опуская руку, вдруг... укололась.

– Непорядок! – раздался скрипучий голос.

Даже Базиль-Васька, дремлющий на диване, поднял голову на этот скрип, а сорока Зинка подпрыгнула на открытой створке форточки и завертела хвостом. Встал с места возле кресла сенбернар Атилла и подошёл к замершей возле картины Глашке.

– Это я, я говорю – не-по-рррядок! – вновь раздражённо проскрипел голос.

И Глаша увидела, как на широкой мирной тропе, что вела к водопою, зашевелила бугристыми ветками-отростками... обыкновенная колючка. Коричневая колючка, в рассеянности посаженная художником на самой середине тропы. Она вроде как шевелила сейчас ветками с острыми шипами и прямо на глазах взрастала, занимая всю тропу. Даже кабан, на что у него толстая шкура, и то удивлённо и тонко взвизгнул, наткнувшись пяточком на колючку. И попятился в испуге.

Перестала куковать кукушка, и заяц задробил лапкой в тревоге, и медвежонок, напуганный, засыпал себе глаза песком, и шмель присел на красном пионе, сразу двумя лапками удивлённо потирая себе затылок.

Озадаченный пёс Атилла тоже сунулся носом к картине,

но уколосся видно и, по-щелячьи визгнув, отошёл на своё место.

– Вот так-то лучше – и лежи, где положено, нечего собакам разгуливать, где не положено, – скрипнула Колючка. – И маленьким девочкам в лесу нечего делать, глазеешь тут. Сиди в кресле и жди, пока я тебе дела не придумаю...

Глашке ничего не оставалось, как подчиниться: что же делать, если даже такой солидный и храбрый пёс спасовал.

А Колючка, ощутив свою власть, уже всю распоряжается на тропе.

– Ты же недавно пил, толстокожий грязнуля, – говорит она кабану, всё ещё нерешительно стоящему рядом. – Иди, занимайся делами.

– Я не грязнуля, – обижается кабан. – И мне надо войти в воду: там для меня камыш вырос.

– Ничего, вода здесь не для того, чтобы кабаны по ней хлюпали без толку. А тебе незачем зря куковать, лучше б полетела да узнала, как растут твои дети, – упрекает Колючка птицу.

– Они хорошо устроены, у них воспитатели очень заботливы, – оправдывается кукушка.

– Надо бы им подсказать, чтобы построже держали птенцов, а то так из кукушат вырастут такие же бездельницы кукушки, – вслух, будто она здесь одна, думает Колючка.

– Но ведь кукушки нужны деревьям, они самых вредных волосатых гусениц поедают, – пробует заступиться Глашка.

– Маленькие не должны возражать взрослым. Старшие всегда лучше знают, кто кому полезнее. Не так они и нужны, эти длиннохвостые, с толку лишь сбивают своим кукованием: я здесь загадала про себя, а она и полпраза не гукнула! Вы все теперь должны почитать и слушать меня, раз я здесь поставлена порядок соблюдать.

– Никто вас для этого не ставил, – пробует возражать девочка. – Пока вас не появилось, было тихо и красиво...

– Это зачем же меня посреди самой тропы посадили, сможешь ответить? Вот и помолчи. Ты, как я вижу, недобрая девчонка, и везде мешаешься – недаром моя сестра сегодня проучила.

От такой несправедливости даже кот зашипел и спрыгнул с дивана, однако подойти близко не решается, только успокаивающе трётся о Глашкину ногу: не расстраивайся, мол...

Колючка кота даже вниманием не удостоила.

– Так вот, раз меня здесь поставили, значит, я должна за всеми следить. Здесь был полный беспорядок. А вы меня слушайте, если хотите к воде подойти. Очередь установим, – принимается Колючка всеми распоряжаться и, как сказала, руководить. А что поделаешь – и вправду не пустит. Может, так и в самом деле положено. Здесь, на водопое, звери не привыкли спорить и ссориться.

Один красавец-олень постоял-послушал, да и перешёл на другую сторону реки, благо ноги длинные. «И рук-то нет, не то что головы, а туда же...» – бормочет на прощанье.

А Колючка уже совсем разошлась: тому царапину, тому занозу, того скрипом голоса доймёт.

– Не убегай, косой, а то больше сюда не попадёшь вовсе. Скажи-ка, что умеешь, лопухий?

– Я?.. – Заяц растерянно оглядывается на всех. – Н-не знаю... морковку копать.

– Зато я знаю! Ты не посматривай на того рогатого, он шибко умный, думает. Так никуда ведь не денется, вернётся. А ты, косой, хочешь к воде подойти – окопай-ка вокруг меня тропу – натоптали, понимаешь, а я сиди теперь в такой жёсткой земле!.. Вот так, теперь можешь минут пять у речки побыть, умыться. Да не плещись попусту, знаем вас! – Кажется, что после зайкиных усилий Колючка ещё вширь раздалась.

А зайцу уже не хотелось ничего, и он юркает в кусты.

– Тебе тоже дело придумала, – скрипит Колючка кабану. – Нечего на меня пялиться, мимо не пройдёшь. Во-он от того дерева, где кукушка сидела, на меня тень падает. Подкопай-ка с одной стороны у корней, я медведицу заставлю с другой поднажать.

Колючка между делом колет подошедшего близко медвежонка.

Тот верещит и бросается к матери. Но медведица не решается возражать, только прижимает сына к себе, успокаивая.

– Но здесь мой дом! – прячется и вновь выглядывает встревоженная белочка.

– Ничего страшного, только о себе думаешь, а ты не одна

здесь. И скорлупу не расшвыривай!

– Но у неё там бельчата маленькие, – напоминает Глаша.

– Новое дупло найдут, вон дрозд к зиме улетает, пустит пока... Моим родственникам тоже солнце нужно, а вы здесь топчетесь!

И Глаша видит, как увядает красный цветок, на котором сидит шмель. Потому что рядом проклюнулась новая колючка. И ещё несколько, пока ещё не таких значительных, как первая, разбегаются по тропе почти до самого песка у воды. Теперь уже и главная Колючка чувствует себя совсем хозяйкой.

– Хватит на сегодня, – скрипит она. – Мне тоже отдохнуть нужно. Расходитесь все. И тебе пора домой, девчонка! А ты, медведиха, не будь душой, отпихни этого кабана с тропы.

Кабан, который уже готов был подрывать дерево белки, послушно поворачивается уходить, медведица высматривает, как бы ей с медвежонком пройти, не задев колючую семейку. А косулёнок жалобно зовёт маму-косулю.

И кто знает, что ещё натворила бы назавтра Колючка у мирного водооя.

Но здесь радостно пролаял Атилла, трещит онемевшая было сорока Зинка.

Вернулся художник.

– Вытри ноги, когдаходишь в дом! – приказывает ему Колючка.

Художник сначала очень удивился – откуда на картине взялась такая зловредная Колючка? А там, дальше и вокруг неё, ещё новые подрастают... И всё вспомнил: как говорил по телефону, как машинально рисовал на тропе. И всё понял, потому что хорошо знал, как быстро они плодятся.

А на водопое у водопада – он теперь хорошо видит – уже нет спокойствия и гармонии, и красота увядает – всё перекошено оказалось в картине.

– Спасибо за напоминание, – улыбается художник Колючке.

И в самом деле – что толку спорить с глупостью и чванством, их надо бы просто не слушать. Да-а, скажут, а если они – на тропе?

– Вот только у вас здесь ещё одного животного не хватает...

– Вот видите, – Колючка обводит всех торжествующим взглядом, – не я ли говорила, что не зря здесь поставлена и расту!

– Не надо больше никого, дядя Володя! – пугается ещё за одну жертву Глаша. – Она же и его...

– А ты ещё мала, повторяю, чтобы нас судить, – перебивает Колючка.

– Знаю, знаю, – улыбается художник. – Наша вина, нам и спасать мир, не то сплошное лакейство разведётся.

Он берёт пастель, о чём-то думает немножко, прищурился, потом ещё два цвета, вот – коричневый, чёрный и жёл-

тый – и рисует... не догадались? – Верблюда. Как и положено: буро-коричнево-жёлтого, правда, с одним горбом – дромедара.

Девочка смотрит на руку художника снизу, а Колючка даже вытянулась вся, чтобы разглядеть. Другие звери тоже незаметно посматривают – тесновато становится у речки.

– Нет-нет, его – убери! – приказывает Колючка.

Верблюд задумчиво смотрит куда-то далеко – может быть он видит свою пустыню, где есть простор и свобода? Кажется, ему никакого интереса нет ни до тропы, на которой он оказался, ни до падающих в омут струй, ни до растерянных зверушек возле колючек, ни до главной Колючки.

– А почему он такой грустный? – спрашивает шёпотом девочка.

– Да он просто голодный.

– Нет... Прочь! Я жаловаться буду...

Верблюд же встряхивает горбом и всё так же задумчиво и неторопливо начинает свой обед, или уже ужин, с этой самозванной повелительницы тропы. И остальных её родичей.

– Я думал, она вкуснее – такая-то важная, – бормочет верблюд. – А больше мне здесь и нечего делать, разве что попить на дорогу. – Он оборачивается к дяде Володе, в углу рта ещё торчит последний отросток так напугавшей всех Колючки.

– Пожалуй, ты прав, – соглашается художник. – У каждого свой мир, и не будем этому мешать жить. Удачи тебе там и полных колодцев на пути.

Он берёт мягкий ластик и осторожно, чтобы не нарушить восстановленного покоя, стирает дромадера – ведь этому верблюду надо побывать ещё во многих других местах, где вырастают колючки.

– Уже вечер на водопое, – напоминает Глаша своему другу.

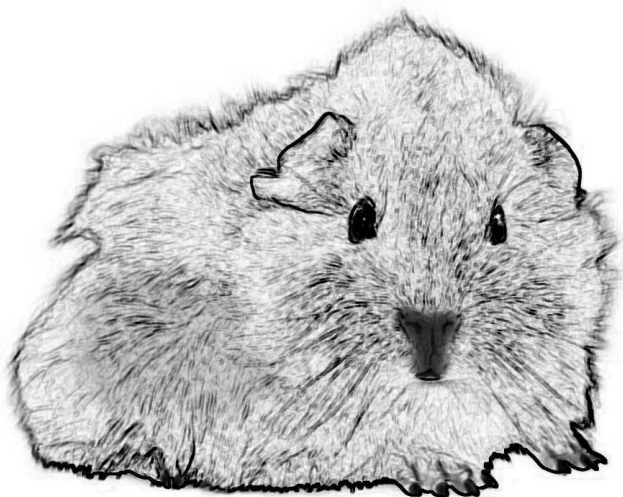
– И ты права, – соглашается художник.

Несколько движений руки с ластиком и пастелями делают картину ещё красивее: солнце катится за гору и прощально шлёт сонные малиново-голубые лучи. И все звери будто меняют окраску, даже чёрно-жёлто-полосатый шмель становится немножко розовым и чуть голубоватым...

– А как же голубая собака? – вспоминает девочка. – Её приняли?

– Может, и приняли бы, – отвечает художник. – А может и нет. Только не донёс я её до выставки – подарил я ту голубую собаку.

У каждого своё море...

Была да жила морская свинка. В картонной коробке. Хорошо жила: в углу у неё всегда стояла чашка с чистой водой. И блюдце стояло – с разной вкуснятиной: то кусочек яблока, то морковка, а то и печенье окажется. И дно коробки устелено мягкой ватой. В вату можно и вообще закутаться – это

если спать хочется.

В общем, тот ящик был её домом. И было свинке там хорошо.

– Это морская свинка, – сказали однажды.

Так её не впервой называли, ничего особенного. Но здесь...

– Ха-ха! Какая же она – «морская»?! Небось, даже и плавать-то не умеет. Да видела она море хоть разок?..

– Лучше бы имя зверушке придумали... То-олстуха!

Здесь уж вовсе обидно стало морской свинке. Она ведь не знала, что предки её во всех морях и океанах побывали. На кораблях, правда. Моряки увидели когда-то добродушных и безобидных зверьков в Южной Америке и стали брать свинок с собой в плавание. Всё веселее, да ещё детям живой подарок привезти можно...

Но наша морская свинка подумала: «В самом деле! „Морская“, а моря я не видела... Интересно, какое оно?..»

И надо же, как повезло ей: сел на открытую форточку скворец. Он и раньше к морской свинке заглядывал: в окно его скворечник видно на дереве-клёне. К осени листья на дереве разноцветными становятся: красные, жёлтые, оранжевые. Тогда скворец исчезает. Но сейчас – лето...

– Ты дорогу к морю знаешь? – подняла морская свинка свой чёрненький нос к скворцу.

Тут-то, в этот-то самый момент, и решила она добраться до моря. «А плавать я и по пути научусь!» – решила свинка

про себя.

– И даже за море знаю! – подпрыгнул на форточке скворец. И размечтался: – Летишь всё прямо...

– Я же летать не умею, – напомнила ему морская свинка.

– Да... неудобно жить, – покрутил головой птах. – Как бы тебе объяснить... Да вот, смотри!

Скворец влетел в комнату и сел на большой шар. Красивый – разноцветный шар. Птица засемила на месте жёлтыми лапками по шару, только коготки зацокали:

– Сейчас я тебе на глобусе море покажу!

– Ты хорошо глобусишь, – похвалила свинка скворца. – На этой... штуке и к морю докатиться можно?

– Да нет! Это вся-вся земля такая! Как глобус! Только больше, во сто тысяч раз больше, вот! И всё здесь видно, смотри: голубое – это море...

– А-а, – догадалась свинка. – Как много здесь моря! Потому такой шарик «го-лу-бос» и называется?

А сама подумала: «Возьму-ка я этого скворца с собой к морю!».

– Глобус называется, никакой не «го-лу-бос». И не поэтому, а потому что... глобус, и всё! Не мешай, а смотри, – прицокнул на неё скворец. – Вот коричневое – это горы. Зелёное – видишь? – лес. Жёлтое – пустыня. Знаешь, что такое пустыня?

– Не-а... Пустое что-нибудь?

– Глупости, везде кто-нибудь да есть. Живут. Вот нитки

голубенькие, а ещё капли – речки с озёрами, вода, в общем... Понимаешь?

Морская свинка понимала главное: путь к морю непростым оказывался. Во-он сколько пройти надо: по горам, по лесам, по рекам и долам, по степям да по пескам... А ещё – по дням да по ночам! И всё одной?

– Знаешь, что я сама себе придумала? – лукаво спросила морская свинка у скворца. – Я тебя, пожалуй, с собой возьму. К морю!

И пустились они в путь!

Хоть и думала морская свинка, что нелегко будет до моря добраться – но чтобы так уставать! Так мёрзнуть! Самой о еде думать!.. Коробку ведь с собой не возьмёшь... И блюдечко...

Это улитка может на себе свой домик таскать!

Медленно ползёт улитка, тело у неё мягкое, даже рожки – она ими, как локаторами, всё время опасность улавливает – тоже мягкие. Зато домик-ракушка всегда с ней – чуть что, улитка вся в нём укроется, не каждому врагу по зубам!

Но пришлось и нашей морской свинке улиток попробовать – голод не тётка.

Всё же добрались они со скворцом до гор: горы у них первыми на пути оказались. Где тропинкой, где обочинкой, а где и просто без дороги. Трудно ходить в горах – камней много, а когда по лесу горному идёшь, то и корни толстые прямо из

земли под лапами путаются... И холодно – поневоле улиткиному дому позавидуешь! Одно спасает: когда вовсе ночью стыло, друг-скворушка рядом присядет, крылом прикроет. Худо без него пришлось бы!

Зато интересно всё вокруг! Вот однажды под кустом уснули, а рано-рано утром вдруг разбудило свинку бормотание: «урл-ур-лю». Солнце ещё только чуть розовым небо покрасило, а рядом это «урл-урлю-лю». Морской свинке даже показалось вначале, что дома она – так голуби в городе иногда у неё на подоконнике ворковали. Но это были не голуби, потому что вслед за этим негромким бормотаньем вдруг раздалось «чуф-фы». И в ответ, будто кто угрожает кому, – новое «чуф-ф-фы»!

Выглянула свинка из-под своего куста. Оказалось, что куст её как раз на краю лесной поляны. А на поляне той две птицы большие – морская свинка и не знала, что такие бывают.

– Тетерев! – шепнул ей на ухо скворец. – Смотри-и...

Крупные чёрные птицы – явные петухи, они и вели себя, как петухи, – надували шею друг перед другом, веером разворачивали лирообразные хвосты, под которыми посверкивал белый подбой. Чернь на голове отливала зеленью, ещё больше подчёркнутой красными бровями. Косачи явно собирались выяснять свои отношения и ничего вокруг не замечали, кроме противника. То перебегали, то приседали и вытягивали шеи так, что головы почти сближались.

Казалось, что вот сейчас бойцы столкнутся в схватке, и вдруг... В азарте драчуны придвинулись к самому краю поляны, а именно этого ждала ещё одна зрительница: от толстого сука корявой сосны отделилась тень и накрыла одного из забияк, только что угрожающе чуфыкнувшему своему сопернику. Второй тетерев шумно, точно взорвалась ракета, взмыл в воздух.

У морской свинки всё внутри похолодело – это была настоящая опасность. Видно, рысь ждала здесь с самой ночи. И охота её оказалась удачной: мягкое рычание заглушило последний крик несчастной птицы, длинные уши с чёрными кисточками настороженно двигались, пёстрые бакенбарды делали морду хищницы благодушной, однако жёлтые глаза, казалось, замораживали всё кругом ужасом убийства...

Закончив пиршество, рысь долго ещё вылизывала свою дымчатую, с крапом по светлому брюху, шубу, а потом неторопливо и неслышно скользнула в заросли можжевельника.

Морская свинка со своим спутником постаралась побыстрее убраться прямо в противоположную сторону.

Здесь ещё и речка встретилась – ух-х!.. бурлит, несётся куда-то, холо-одная! Брызги сверкают!

– Как это – куда торопится? – удивился вопросу свинки скворец. – Тоже к морю бежит. Она в него, в море, впадает... не скоро, правда...

– А потом – выпадает из моря?

– Оттуда уж ни за что не выпадет. Растворится! – ответил

бывалый скворец. – Вот по речке пока и пойдём. Только перебраться надо бы на другой берег.

Где по камушку, где и просто по воде пришлось – помог морской свинке через речку скворушка переправиться. Трудно без крыльев!

Но она упорная оказалась, хоть вовсе не приспособлена путешествовать. Толстенная, и лапки маленькие, нежные. С коготками разве что, да что в них толку здесь... Хотя – вот корешок вкусный выкопать вполне может. И плавать, оказывается, умеет. Нет, назад поворачивать и не думает, хоть страшно вокруг.

Только на другой берег ступила – «Ой-о!» – пискнула: глаза-бусинки восторгом-испугом зажглись.

Чуть ниже на речке водопад грохочет. Не так чтобы большой, но всё же – пыль над ним на солнце водяная клубится-переливается. И в этой жемчужной пыли вдруг рыбе серебристое тело взлетело вверх из воды. Да не по течению, а – против потока, снизу вверх чуть не на метр – рыба летит. Даже зависла, кажется, в воздухе – морская свинка тёмные пятнышки на серебристой чешуе разглядеть успела. И жабры, и плавники разглядела, а морда хищная – зубы мелькнули, или показалось? Пролетела и снова ушла в воду – теперь уже выше водопада.

– Форель! – объяснил скворец. – Но ты тоже хорошо плаваешь. А она только в такой воде и живёт: холодной, чистой...

Но дальше, дальше надо бы быстрее, а как – когда лес совсем густой пошёл, морская свинка и вовсе потерялась в нём. Маленькая! А деревья, ох, огромные! Ёлки густые, лапы до самой земли. А под ними – темно-оо. Но зато и тепло, никакой ливень не страшен.

Здесь и белку встретили, на рябине сидела. Ягоды уже краснеть начали, красивыми гроздьями сквозь ажурные листья висят. А горькие ягоды – свинка попробовала, ей скворец сбросил веточку.

Белка весёлая попалась. Чем-то и на неё, морскую свинку, похожа. Только рыжая, а хвост длинный и серый. Ушки с кисточками остренькие. Да прыгает так легко: во-от-ля!

Научиться бы самой так!..

Скворец кого-то себе на ужин ловить улетел. И дорогу глядеть.

– Ты далеко ли? – спросила белка с деревянного сучка.

– К морю идём, – с достоинством ответила свинка. – Знаешь, что такое море?

– Ха! – засмеялась белка. – Мне ли моря не знать. Это когда много-премного грибов. Целое море грибов! – И мечтательно добавила: – Или вот ягод с орехами тоже!..

– Море – это откуда я родом, – сказала свинка. И пояснила: – Оно из воды сделано, голубое потому что. Скворец говорит. А ты грибы какие-то придумываешь. Морская свинка я!

– Сви-инка? Ты? – удивилась почему-то белка. А потом

застрекотала-захохотала на весь горный лес: – Ха-ха-ха... хи-хи-хи! Ой, держите меня, а то свалюсь – свинка она! Свинка-половинка! Вон недалеко... свинка так свинка ходит... тысяча таких, как ты, в её шкуру влезет! Кабаном зовётся. Пойди-ка, глянь – познакомься с родственничком!..

И ускакала белка, с дерева на дерево прыгая и треща:

– Мо-оре ей подавай! Свинюшка-капелюшка!

«Так я сразу и подумала, что белка глупая. Иначе зачем бы ей такой длинный хвост?» – так решила про себя морская свинка. А когда скворец прилетел, всё же спросила:

– А может, здесь и вправду у меня родственники? Белка сказала...

– Слушай эту трещотку, – буркнул скворец и передразнил белкино стрекотанье. Он ведь по-всякому умел, даже по-человечьи несколько слов знал. – С кабаном тебе ни к чему знакомиться. Страшный, огро-омный, щетина торчит... Может, вы не очень близкие родственники...

– А хоть и дальние, – заупрямилась свинка. – Всё равно невежливо. Вдруг этот кабан дорогу ближнюю знает... – Это она уже по пути на поляну, куда белка показывала, сказала.

Кабан и в самом деле оказался целой сивой горой! И при этом даже головы не поднял: рыл зачем-то землю под дубом. Рыл-порыл, а после остановился. Хрюкнул задумчиво, пожевал – жёлуди. Они и рядом на земле лежат – и копать вроде ни к чему...

– О-о! – прошептала морская свинка скворцу. – Какой

гордый и буркатый! Он и вправду тоже... свинка?

– А какой это – «буркатый»? – справился удивлённый скворец.

Оказывается, и он не все слова знал! Свинка гордо посмотрела – ага!..

– Буркатый, и всё! Вот какой, – показала на кабана. – Ух!

Здесь к серой горбатой махине высыпала откуда-то дюжина поросят. Шустрые, визгливые да ещё и полосатые! Но кабан забурчал недовольно, а на белом клыке, что даже губу приподнял, какой-то корень повис. Страшно. Даже поросята сразу исчезли.

– Здравствуйте! – всё же пискнула свинка чудищу, собравшись с духом.

Кабан не сразу и понял – кто это там. Чтобы увидеть, пришлось ему своим серо-чёрным горбатым туловищем поворачиваться. Шея-то у кабана неповоротная!

«Почти как у меня, – подметила морская свинка. – И вправду, родичи мы! Вот только вместо коготков что-то...» Она ведь в городе жила и копыт раньше ни у кого не видела.

– Добрый вечер! – как можно громче повторила свинка. Она уже вскарабкалась на обомшелый валун. – Я – морская свинка!

– Кабан я, – буркнул этот зверь недовольно, разглядев наконец путешественницу. – Какая такая ты «свинка»? И на подсвинка не потянешь!

Здесь эта буркатая громадина с маленькими глазками и

страшными трёхгранными клыками на длинном рыле сразу и забыла о маленькой гостье. Упёрся носом в землю. Да как пошёл вперёд – только комья от борозды отваливаются. Он, оказывается, червей выкапывал – лакомство!

На его пути задрожал куст и склонился к земле. Обидно стало морской свинке.

– А ты... а ты!.. – как можно громче крикнула она. – А ты про глобус знаешь? И какое море голубое?! У тебя... даже блюдечка никогда не было! Вот!

Кабан остановился. Растерянно поднял рыло – задумался. О море он не мечтал – зачем ему? Глобус какой-то... Вот он знает, где люди картошку посадили... туда бы!.. да стреляют ведь... А что в блюдечке ему никто пить не давал, ве-ерно... Он взглянул на морскую свинку с уважением.

– Ты откуда взялась здесь? – спросил.

– Откуда-откуда... из дому пришла, вот! – И добавила уже более милостиво: – Так родственников не встречают. Даже люди мне яблоки с печеньем приносят, а ты!..

– Лю-уди? Тебе? – совсем заужал её кабан. – Занят ведь я. Так, может, мы с тобой родня? Ты куда путь-то держишь?

– Я – к своему морю. От него вся земля на глобусе голубая, вот! Хочешь, я и тебя с собой возьму. Ты хоть плавать умеешь?

У кабана даже голова закружилась: и моря у него не было. Его даже горным не называли или там – лесным... Или хоть бы камышовым, как коты бывают. Тех котов ещё хауса-

ми зовут, хотя они, как и кабаны, в тугаях живут по речкам. Подумаешь – нору барсучью займёт или лисью, да шерстью выстелит, ему уже и имя особое. А они, кабаны, везде живут! И все будто одинаковы: кабан, и вся недолга... Пойти, что ли, с ней?

– Плавать умею... Жёлуди хоть у твоего моря есть?

– Да там каштанов сколько хочешь! Пробовал? – Это уже скворец сказал. На скворца зверь покосился неодобрительно – несерьёзная птица, всех передразнивает. Даже хрюкать умеет, сам петь не может, так других изображает!

– Кашта-аны... слышал только, откуда пробовать. Мечта-а!

Так они и пошли. Скворец летит – дорогу смотрит и показывает.

Кабан чаще трусцой бежит. Ему любая дорога нипочём – везде проломится! Свинке теперь хорошо, только держись – она на шее секача устроилась, за щетину держится. Кабану что – весу в морской свинке – чуть. Всё бы ничего, да любопытная она очень, будто только на свет родилась! И всех о своём море спрашивает, будто сами дорогу не найдём. Уж и скворец её успокаивал, ан нет...

Даже ночью. Так хорошо луна светит, жёлто-зелёный свет её, правда, тени обманчивые отбрасывает, но зато – иди себе вперёд, не собьёшься. Так нет: «Кто-то там хрюкает! Может, тоже свинка?..» Сама-то даже хрюкать не умеет, пищит!

– Чего останавливаться, – бурчит кабан. – Дикобраз это...

Хоть шкура у кабана крепкая, а всё лучше подальше от этого отшельника. Вон как он иглами загремел своими, они в лунном свете пестрят, длинные! Ну-ка, хвостом по пяточку попадёт да иголок своих навтыкает, их ему не жалко – тыщи! И медведь обходит от греха!.. Говорят, даже метать эти свои колючки умеет!

– Какое такое море? – сердится дикобраз на путешественников. – Бродят здесь. Вот пониже спуститься – там море дынь поспеваает. Или еще кукуруза... да человек с собаками сторожит. Идите себе!

И скрылся вмиг с глаз. Оказывается, у дикобраза рядом нора была в корнях старой сосны. Неприветливый зверь, а ещё хрюкает!

А утром! Солнце взошло, уже и пить хочется, а вокруг – сушь, холмы без ручейка даже малого! Нашли, правда, лужу – горечь одна, солёной вода оказалась. Как вдруг: «Кря-кир-ря!» Утки. Да какие: золотые! Даже кабан оживился: «Ну, хоть попьём вдоволь. Да и поваляться бы в тине не мешало – день жаркий предстоит!..» Однако скворец их тут же и отрезвил.

– Это же, – говорит, – не те утки – земляные они. Огарь это, а степняки их атайками зовут. Считают, что в них – души предков. Наверное потому, что атайки в могильниках поселяются. Во-он, видите? А вода далеко отсюда...

Прямо на холме в солнечном свете темнела башенка с округлой крышей. А сам холм густо зарос низкорослым ши-

повником и травой – никаких следов. Это успокоило кабана: значит, люди здесь давно не были, ни одной тропки не видно.

Утки же кружили совсем низко, виден был буро-коричневый ошейник, бело-зелёно-чёрные пятна на крыльях. Покружив, обе атайки сели невдалеке на гладком, словно утрамбованном, бугре. Подобрал под себя лапки, улеглись рядом, одна другой даже голову с чёрным клювом на золотую спину положила.

... Вскоре свинке встретился ещё лучший строитель, чем сурок. Только сначала повстречался на их пути зверь, который, как и сурки, тоже считал, что море – это бескрайние волны травы до самого горизонта. Мельком удалось увидеть свинке сайгака. Хоть казалось, что кабан быстро бежит, но он оказался тихоходом по сравнению с этой степной антилопой. Вот только что стояло целое стадо, и лирообразные рога янтарно светились, и нос удивлял своим явным желанием стать хоботом, как у слонёнка в сказке – до встречи с крокодилом. Хобота не получилось, но большой нос даже в беге тянул голову сайгака к земле. Но скорости, видно, не мешал – в один миг исчезло стадо степных странных антилоп. Даже сайгачата мчались как большие – пулей. Глянь – и только пыль медленно опускается по следу исчезнувших сайгаков, вечных степных кочевников...

Оказалось, сайгаки пили воду из небольшой речушки, неторопливо пробирающейся по холмистому плоскогорью. Решили путешественники идти по этой речке. Кругом,

сколько глазу видеть, трава да трава – вправду будто волны серебристые ходят под ветром. Шли-шли, как вдруг кабан насторожил уши и шумно задышал. Да и свинка уловила в сухом воздухе совсем влажную волну. И засуетилась на жёсткой кабаньей холке: «Не море ли там?..»

Она отгадала лишь частично: впереди была вода, даже целое озеро воды, вовсе неожиданное здесь, а вокруг него уже поднимались молодые осинки и берёзки.

Как попали сюда бобры? Откуда добрались к невеликой речке, почти ручью? Потому что это именно бобры построили на речке запруду и преградили её усыхающий усталый бег. Вода накапливалась у запруды и разливалась в котловине у подножия холмов. Так и получилось здесь настоящее озеро!

Хлоп! – громкое эхо, ровно выстрел, полетело над водой к холмам. И снова – хлоп! Морская свинка разглядела круглую голову с поразительными резцами поверх губ – это бобр плыл к густым зарослям тростника. Он и хлопнул широким, будто лопата, хвостом. Вот это уж настоящие строители: посреди озера поднимался купол домика, а на нём баловались два бобрёнка, стараясь спихнуть друг друга в воду. Свинке и самой захотелось нырнуть, да понимала она, что её-то море должно быть огромным!

– Море? – небрежно отвлёкся бобр, вперевалку выходя из воды и вставая на задние лапы и на свой мощный хвост. Он похрустел белым корешком тростника. – Много ты хочешь... Вот поработай и хоть маленький прудик построй.

Тогда мы с тобой и поговорим!

И хлопнул хвостом по воде – нырнул. Только круги по воде!

Много можно чудесного увидеть в путешествии к морю!

Но самой яркой, пожалуй, оказалась встреча на другом озере, уже настоящем. Хотя это озеро тоже разлилось по степи. И так широко, что конца-края не видно. Да и добраться до него оказалось непросто: без кабана свинка ни за что не прошла бы. Но потом оказалось, что и кабану до озера не добраться: надо было пройти по бело-розовой корке, покрывающей болото. А вокруг над затянутым соляной коркой болотом, где под ногами чавкает ил, колышется растопленное солнцем марево.

И вдруг – как во сне! – в этом мареве проплыли в воздухе чудесные птицы. Длинные красные ноги и такая же длинная шея с небольшой головой и тяжелым клювом вытянулись в голубовато-красном воздухе. Бело-розовые перья птиц вспыхивают в солнечном сиянии, а яркие красные и черные пятна машущих крыльев кажутся вспышками самого солнца. Вот одна птица спустилась невдалеке, спокойно оглядела пришельцев, опустила клюв в полынью среди ила, процеживая воду через свой замечательный клюв. Потом ей пришлось разбежаться, чтобы снова подняться в воздух. Вновь пожаром вспыхнуло на солнце её ожерелье.

– Это фламинго – птичий верблюд! – засмеялся скворец. Морская свинка вовсе и не знала, кто такой – верблюд. Но

пришло время увидеть ей и настоящего верблюда. Ш-шу-у-ух! – пробирались они с кабаном по камышам, только шелест позади оставался. И речку ещё одну переплыли.

Ш-шу-у-ух!.. Становилось всё жарче, и под копытами кабана начал шептать песок. Днём было так жарко, что и выносливому кабану тяжело. Жарко, горло сохнет!

Вот здесь-то и встретили настоящего верблюда. Два горба у него, и вправду – чем-то на него фламинго похож! Только гоняет верблюд во рту жвачку – настоящую колючку жуёт. С такой и кабану не справиться, хоть и голоден сильно.

Взгляд верблюда где-то за песчаными волнами теряется. Скворец ему на горб сел, так верблюд даже глазом не моргнул.

– Попить бы, – прохрипел кабан. – И зачем меня-то к тому морю...

– Вот вам море, – качнул верблюд изогнутой шеей, и свинке показалось, что взлетит сейчас этот нелепый громадный зверь над песками. А тот на них так и не смотрит – всё вдаль...

– Море ведь голубое, – сипло сказала свинка. Она тоже пить захотела смертельно. – Это когда много-много воды...

– Да? – Верблюд даже глаза прикрыл от возмущения. – Вода только в колодцах бывает. И много её быть не может! А море – жёлтое! Сами видите – море песка. Ещё немного... там колодец... напьётесь. Ишь ты! Много-много! Её вытоптать надо, водичку-то...

– Здесь не живут. – Кабан расстроился – так в жару ему плохо.

– Как не живут? – обиделся верблюд. – А вот он что? Он здесь, наверное, миллион лет живёт! Он не страшный. Он страшно древний!

Это что ж за чудовище смотрело на них? Свинке даже вмиг холодно стало от пристального немигающего взгляда. Даже скворец, кажется, съёжился. Из-под бархана на них и впрямь глядело чудовище – варан. Язык его опасно вылетал изо рта и вновь прятался за страшными зубами. И для свинки, будь она не на горбе кабана, встреча с этой громадной ящерицей могла бы оказаться ужасной... Она каждым волоском почувствовала это.

А верблюд и вовсе отвернулся. Видно, неинтересны они ему стали. Опять взгляд его куда-то за барханы уплыл, потерялся. Что он там высматривал? В желтизне той жгучей?

– Мираж! – пискнул скворец.

По небу... текла река. Кабан даже несколько шагов сделал – вот туда бы: к реке в небе, к садам на её берегу!.. Неужели так – всем одинаково – кажется?!

– Идите! И не останавливайтесь! – предостерёг верблюд.

Колодец им и в самом деле скоро попался. Напились, кабан ещё долго на разрытом песке лежал – влажно, вода снизу песок питала. Он бы дальше и не пошёл, да какая в этом верблюжьем море жизнь?!

– Почём вы знаете, какое море настоящее? – ворчал кабан

в дороге. – У верблюда – своё жёлтое море... чуть кровь не закипела! Белке вон хорошо, когда море ягод с грибами... это бы и мне сейчас не помешало! Сурку вон своё море подавай, волку, небось, тоже своё снится... Может, кому море снега нравится?

Пока ворчал-бурчал, всё шли. И дошли ведь наконец.

– Вот – море! – подлетел однажды к своим спутникам скворец.

– Где, где? – заволновалась морская свинка.

Нос её учуял какой-то удивительный дух, ушки шум различили: «У-ух... ах-х... Ш-шу-ух!..»

– Так это же небо там?

Кабан молчал – притомился. Просто пошёл вперёд. И уже совсем близко подбегала к ним волна. Подбегала – и откатывалась, шепча: «Ух-с... сшта... у-у... шта-ли-и?».

– Устали, спрашивает? Ещё бы! – Кабан принялся пить растёкшуюся у самых его копыт воду. Но тут же и заверещал: – И это – твоё море?!

Морская свинка испуганно смотрела вперёд: конца этому морю не виделось. Она тоже глотнула – и будто микстуру выпила. Го-орь-ко!

– И здесь жить нельзя, у твоего-этого!.. – уже бушевал кабан.

– Ну почему же нельзя, – слышалось невдалеке. – Ведь я же живу! И других много живёт в море – не жалуемся!

Недалеко от берега в волнах показалась круглая усатая

улыбающаяся мордочка.

– Не знаете? Тюлень я. Каспийский! – Чёрные глаза его дружески смотрели на гостей.

«Стоило ли такой путь проделывать?» – думала морская свинка, всё ещё ощущая горечь воды в горле и ещё большую горечь разочарования в сердце. Затосковала она перед таким огромным водоёмом, которому конца-края нет.

Стоило ли, в самом деле... каждый пусть сам рассудит.

– А всё равно красиво... – грустно сказала всем на берегу морская свинка.

Да, грустно. Потому что ей захотелось домой. В свою коробку, высланную ватой. К своему блюдечку, в которое наливают свежую воду или кладут яблоко. И вода в питьевой ванночке никакая не солёная. А кабан этот никакой ей не брат!

«Как же мне назад добраться? – думала морская свинка, стоя на берегу моря. – Наверное, я и вправду не морская».

Впрочем, это уже другая история.

Только один скворец пел радостную песню: ему совсем немного осталось до теплых краёв, где можно перезимовать. Наверное у него тоже было своё море.

Путь к мечте

– На далеком-дальнем юге, —
Начал так Сверчок легенду, —
Там, где солнце в пепелище
Всё живое обращало,
Островами древ могучих
Там земля за жизнь цеплялась.
А в тени их крон сплетенных
Прятались от солнца люди.
Так давно всё это было,
Что забытое – забыто...
Острова зверей скрывали:
Злых, и сильных, и свирепых.
И еще одна примета
Тех краев иль стран, как хочешь
Назови ту часть планеты,
Где начало брало племя,
О котором мой рассказ.
Та примета – помнить просто:
Пик горы, ушедшей к солнцу
Так высоко, что не видно
В свете солнечном вершины
– Чоки-чок, чоки-чок —
Вот о чем поёт Сверчок:
Утром солнце рано встанет,

Ночь под солнышком растает...

И никто никогда не взбирался на вершину той горы.

Говорили, что находились смельчаки, которые хотели подняться, но не пускали их сами люди племени: сколько они себя помнили, – никто не смел и подумать о вершине горы, у подножия которой жило племя.

Но вот однажды плохой год выдался, тяжкий год: гибли лучшие охотники, потому что появились в лесах новые страшные хищники, а люди еще не умели с ними бороться. Всё меньше становилось охотников – всё больше слабело племя: жизнь полностью зависела от удачной охоты. Голод сделал людей бессильными перед болезнями. Племени грозила гибель.

На совете, где собрались старейшины и все оставшиеся сильные мужчины, чтобы решить, как же быть дальше, – на этом совете встали трое юношей. И сказал один из них за всех:

– Мы поднимемся на эту гору! Ведь она такая высокая, что там, наверное, можно найти что-то, что спасет нас...

Старейшины с ужасом посмотрели на вершину горы, которая терялась в облаках: оттуда всегда приходила лишь гибель, оттуда гремел гром и неслись молнии, оттуда срывались камни и сметали на своем пути даже могучие леса... С ужасом посмотрели старейшины на гору, но промолчали: гибло племя, и неоткуда было ждать спасения, а люди хвата-

лись за любую надежду и не простили бы старейшинам нерешительности. И трое юношей ушли на ту гору, провожаемые молчанием своего племени, ушли за лучшей долей для всех...

– А если не вернутся, спрашиваешь ты? Что же, узнавать новое всегда трудно. Они понимали это – трое юношей. Но ведь не могли же они оставаться спокойными, видя, как гибнет их племя. И каждый из них старался подняться как можно выше.

Проходит год, другой, третий, больше-меньше – кто знает. Только однажды спустился с горы усталый воин. Одежда его в лохмотьях, ноги избиты дальней дорогой, а лицо иссушено ветром. Узнали в нём люди одного из юношей, спросили: «Что же принес ты нам?» Раскрыл воин ладонь – в ней были невиданные прежде зёрна. Взрыхлил он землю, разбросал по ней зёрна. Совсем мало времени прошло, появились всходы и дали много такого же зерна: им можно было утолить голод даже без охоты, восстановить силы – без риска. Вскоре люди научились делать из зерна муку и печь хлеб... И могли теперь не бояться неудач в охоте.

Прошёл еще год, три года и еще два... Сколько же это времени пролетело? Племя стало забывать тех двух юношей, что не вернулись с горы.

Только через шесть лет после возвращения первого к ним спустился другой посланец. С трудом узнали его люди племени. А он стоял перед всеми молчаливый, и сильный, и

твердый, как камень, который принес с собой. Он отвык говорить – так долго был совсем один и так долго молчал, что ему пришлось вспоминать слова заново, чтобы рассказать, как высоко поднялся он на гору, как много увидел там необыкновенного.

– Вот, – сказал он. И протянул тот бурый камень, что принёс с собой.

Камень как камень. «Что же удивительного в нем?» – спросили. А он молча – чтобы делать, говорить ведь необязательно – вылепил диковинную печь, развел жаркий огонь и бросил туда камень. И расплавился тот камень: стал жидким, как вода, стал серым, как вода в пасмурную погоду. Разлил его по приготовленным формам, выкопанным в земле, а когда все остыло, увидели люди чудесное оружие: ножи, топоры, наконечники... И много других нужных вещей научил людей делать возмужавший юноша, вернувшийся с той высокой горы.

Теперь могли люди не бояться диких зверей. И с лесом, который наступал на племя, справляться стало легче, и землю обрабатывать и взрыхлять для зёрен стало много проще.

Прошло совсем много времени. Люди забыли третьего юношу.

Но вот, когда и горы-то совсем не было видно – такой туман окутал её, – пришёл в селение незнакомый человек. Все сразу поняли, что пришёл он издалека и очень устал. Худой он был, этот человек, почерневший от солнца и долгой доро-

ги, а седые волосы, очень длинные белые волосы, были мокрыми от тумана и сами были похожи на туман.

Пусть и белой была его голова, и совсем седой, как туман, длинная борода его, пусть измучен он был так, что казалось – упадёт сейчас прямо на землю, человек тот был... молодым! Такими яркими, живыми, островзглядными были глаза его. Непонятный голубой свет струился из глаз пришельца, такой чистый и непонятный свет, что люди отводили свои глаза.

– Откуда ты? – спросили его.

Молча указал пришелец на гору, от которой ветер отогнал в это время облака. Люди сразу поверили ему – так непривычен и непонятен был взгляд, полный голубого огня.

– Я уходил давно. И был на самой вершине.

– Ты что-то принёс нам оттуда? – спрашивали люди. – Нам с горы принесли очень важное знание: у нас теперь довольно еды и мы сильны! Ты прожил несколько жизней там... далеко. И ничего не принёс племени? – все видели, что ничего не было в руках пришельца. И не могли понять – зачем же тогда был он на горе так долго.

– Я был на самой вершине! Разве вам не хочется подняться туда? Там такой голубой свет, так близко звезды...

– Туда невозможно подняться! – обступили его люди.

– Я покажу дорогу, – улыбнулся им пришелец. – Вы уже не помните их – тех, кто принёс вам спокойствие, пищу и силу... И вам страшно подняться туда, на гору, самим. А если рука чья-то опустится раньше, чем передаст свое умение?

Я принёс вам то, чего не унесёшь в руках. Я принёс вам мечту...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.